

ЛУЧШИЙ ПРОРОК БУДУЩЕГО – ЭТО ПРОШЛОЕ

В последних числах июля в Институте археологии и этнографии СО РАН прошла пресс-конференция академика В.И. Молодина, руководителя Западно-Сибирского отряда Северо-Азиатской экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН, посвященная телемосту премьер-министра РФ В.В. Путина с ведущими археологами России. Во время телемоста премьер находился на Троицком раскопе в Великом Новгороде. Побеседовав с участниками археологических раскопок, он пообещал, что в 2010 году государство выделит более 450 млн рублей на археологические раскопки и увеличит финансирование ряда экспедиций. Кроме этого он сообщил, что ускорит ратификацию Европейской археологической конвенции и работу над правовым регулированием археологических раскопок.



О телемосте

На подготовку телемоста ушла буквально неделя, даже меньше. Мне позвонили от пресс-секретаря В.В. Путина и сказали, что мой отряд попал в число избранных. Конечно, это было приятно, но в данном случае я представлял не только свой институт и Сибирское отделение, но и большую группу профессионалов-археологов из Академии наук, вузов и музеев, работающих в Сибири. Я понимал, что от того, как пройдет встреча, во многом будет зависеть отношение руководства страны к нашей науке. Понятно, что встреча организована не случайно. По-видимому, премьер-министр озабочен как фундаментальным направлением археологии и исторической науки в целом, так и состоянием охраны и использования культурного наследия России. И эти вопросы накладывали на меня, как и на всех участников телемоста, известную долю ответственности.

Мы вышли в эфир в 17 часов по местному времени. Владимир Владимирович отметил в своем выступлении важность археологии для гуманитарных исследований, реконструкции исторического процесса, подчеркнув, что наша страна многонациональна, история разных регионов имеет свою специфику, поэтому для демонстрации были избраны пять разных археологических объектов, представляющих разновременные памятники.

Первый репортаж шел из Дагестана, из средневековой крепости Дербент. Вторым пунктом была выбрана Фанагория, античный город на Тамани, который исследуется археологами уже несколько десятилетий. Третьим стало Суздальское ополье, где ведутся раскопки славяно-русских поселений. Далее шел могильник эпохи бронзы Тартас-1 в Венгеровском районе Новосибирской области, которым мы и занимаемся. И последний пункт — Капова пещера на Урале, одна из двух пещер в России, где были найдены палеолитические рисунки — древнейшие наскальные изображения у нас в стране.

На мой взгляд, в основном пункты были назначены со знанием дела. Может быть, я добавил бы к ним Денисову пещеру и Караму на Алтае — великолепные объекты, известные во всем мире. Возможно, стоило бы включить какой-нибудь объект с Дальнего Востока, где тоже есть замечательные памятники. И потом, как говорил Ленин, конечно, Дальний Восток — это далеко, но «край-то нашенький». Конечно, могли возникнуть технические проблемы — всё-таки разница во времени и т.д.

Далее состоялся разговор, в котором каждый из руководителей отрядов дал свою оценку проведенных на памятнике работ, рассказал о результатах, полученных в этом году и ранее. Нам выделили по 3—5 минут, и надо было уложиться в регламент. Затем премьер задавал вопросы, касающиеся науки и её организации. Лично меня он спросил, кто работает на Тартасе, сколько человек в составе экспедиции, как у нас обстоят дела с питанием, с деньгами, какова смета экспедиции. Я ответил, что смета — немногим более миллиона на полгода, зарплату получают по-разному: сотрудники института — одну, старшекурсники и аспиранты — другую, практикантов мы кормим, потому

что полевые, которые выделяют некоторые вузы, очень маленькие, приходится добавлять свои, оформлять ребят на работу. Хотя НГУ, например, обеспечивает полевыми своих студентов. Видимо, премьеру было важно знать всю «полевую кухню».

В заключительном слове Владимир Владимирович особо подчеркнул, что археологические исследования в стране чрезвычайно важны для изучения исторического процесса, и сказал фразу давно известную, но которую всем нам было бы нелишне как можно чаще повторять: у любой страны без прошлого нет ни настоящего, ни будущего.

В завершение телемоста он пожелал всем удачи и поблагодарил за информацию. Как говорят, Владимир Владимирович пообещал выделить 2 миллиарда на археологию, и это, я считаю, очень хорошо — мы не избалованы вниманием, хотя и жаловаться тоже грех. При должной государственной поддержке сможем усилить наши работы, даже на новостройках, не говоря уже о фундаментальных проектах, которые могут быть таким образом серьезно простимулированы. Благодаря работе Приборной комиссии Сибирского отделения под руководством академика Р.З. Сагдеева у нас прекрасное оборудование, самая первоклассная техника. Но, например, химикаты стоят очень дорого, а без них палеогенетический анализ не провести. Так что дополнительное финансирование совсем не мешает.

О Тартасе

Грунтовыми некрополями в археологии называют могильники без наличия рельефных признаков — курганных холмов на поверхности. С грунтовым могильником Тартас-1 произошла следующая история. Длительное время площадь, на которой памятник располагался, распаивалась, поэтому верхние слои были потревожены. Кроме того, они были нарушены дорогой — в этом месте проходила трасса Чаны-Венгерово, которая шла прямо по захоронениям. Первые из них нашли, когда собирались тянуть оптоволоконный кабель. С самого начала стало понятно, что памятник этот очень перспективный.

Но мы никогда не узнали бы о таком сосредоточении захоронений, если бы не геофизики Института нефтегазовой геологии и геофизики во главе с академиком М.И.Эповым. Они произвели обширный мониторинг территории и выявили более тысячи погребальных комплексов, которые ещё предстоит исследовать. Раскопки на памятнике ведутся семь полевых сезонов и уже принесли совершенно блестящие результаты. На сегодняшний день на этом памятнике изучено около 400 погребальных комплексов, и я думаю, что к концу полевого сезона (т.е. до октября), мы раскопаем еще не менее 50 захоронений (это вполне можно прогнозировать, ведь мы работаем не вслепую).

Значимость этого памятника заключается в наличии погребальных комплексов самых разных эпох — от ранней бронзы (начало IV тыс. до н.э.,

когда человек в Западной Сибири только познакомился с металлом) до раннего железного века, т.е. начала I тыс. до н.э.

Так сложилось, что в этом году буквально первые дни работы на памятнике (а мы начали работу в конце мая-начале июня) принесли неожиданный результат. Мы продолжали работу прошлого года, изучали комплекс, который относится примерно к середине III тыс. до н.э. Он принадлежит к так называемой одиновской культуре, которая была распространена на территории в лесостепной зоне Юго-Западной Сибири от Приишимья до Оби. Тартас-1 — третий по счету из найденных могильников этой культуры — дал прекрасные, совершенно не потревоженные комплексы.

Дело в том, что в погребальной практике одиновской культуры была нетипичная традиция, выделяющая её из всех остальных — они не ставили в могилы керамическую посуду или ставили очень редко. Раскапывая поселения, мы находим достаточно много керамики, а вот в погребениях она обычно не использовалась. В настоящее время на территории Барабинской равнины было изучено около 200 захоронений этой культуры, в которых найдено всего три сосуда. Причем до этого находки были какие-то проблемные — или сосуд нецелый, или могила разграблена.

И тут нам неожиданно повезло — мы вышли на великолепно сохранившуюся могилу, в которой нашли более 40 наконечников стрел — целый колчан — и прекрасный сосуд, стоявший на дне могильной ямы и без сомнения принадлежащий данному времени. Обычно я говорю своим студентам, что для археолога порой бывает важнее найти какой-то керамический сосуд или фрагмент сосуда, чем золотую или серебряную высокохудожественную вещь, и находка этого года — яркое тому подтверждение. С научной точки зрения эту находку трудно недооценить — наконец-то поставлены все точки над «I».

Помимо этого, нами в течение двух месяцев было изучено свыше 20 захоронений эпохи бронзы. Я считаю, что мы выполнили свою задачу, даже если больше ничего особенного найдено не будет. Но надеюсь, что самое интересное впереди, и в этом сезоне нас ещё ждут замечательные открытия.

Мы работаем на этом памятнике, с самого начала исповедуя мультидисциплинарный подход, характерный для всего Сибирского отделения. В настоящее время мы очень активно работаем с геофизиками ИНГГ, о чем я уже упоминал, палеогенетиками ИЦиГ СО РАН, с нашими германскими коллегами (Германским археологическим институтом, геофизиками из Мюнхенского центра изучения археологического наследия, с различными университетами Германии в области палеогенетики). Тартас-1 в этом отношении дает исключительно интересный материал, принципиально новую возможность говорить об этногенезе человека в эпоху бронзы. Перспективы памятника привлекают к нему всеобщее внимание.

О «чёрных копателях»

Археолог обычно работает с потревоженными могилами, и большая редкость, когда захоронения доходят до нас в целостности и сохранности — ведь и грабить их начинали, как правило, ещё современники. Но особенно большой вред наука понесла от деятельности бугровщиков — первых русских переселенцев, которые раскапывали курганы в поисках золота. Потом Петр I навел в этом вопросе порядок, предписав: кого за этим делом поймают — бить кнутом и предать смертной казни. Средство оказалось очень действенным, и следующая волна нахлынула только сейчас. Современное бугровщичество стало настоящим бичом для Европейской части страны, и частично это явление уже докатилось до нас.

Могу сказать следующее: эту волну породил рынок. Почему такого явления почти не существовало в советское время? Были случайные повреждения, когда, например, тракторист по незнанию распахивал курган. А после того, как мы вступили в новый исторический период — капитализм, возник спрос на антиквариат. Даже в салонах Новосибирска вы можете увидеть редкие археологические предметы, не говоря уже о Москве, где они есть в каждом салоне. Вы можете купить совершенно уникальные вещи на Измайловском рынке. И что самое неприятное, часть этих вещей уходит за рубеж. Коллекционеры, как правило, богатые люди, многие из которых вкладывают в эти вещи свой капитал, — ведь не секрет, что ценность подобных предметов не падает и с годами может только расти.

Наше законодательство предусматривает административную и даже уголовную ответственность за нарушение памятника археологии, но я не знаю ни одного случая, когда кто-то понес бы уголовную ответственность. Закон хороший, но, к сожалению, не работает.

Причем в нем есть лазейка — поиски кладов. Закон не запрещает искать клады, поэтому даже если вы поймаете такого копателя на месте, доказать его преднамеренные действия будет очень сложно, особенно если этот человек хоть немного юридически подкован. Существует масса предприятий, изготавливающих очень чувствительные металлодетекторы, рекламу которых можно встретить даже в научно-популярных журналах. Эти приборы позволяют обнаружить металл на достаточно большой глубине. Вы задумывались, почему так долго ведутся раскопки профессиональными археологами? Осторожно и тщательно, чтобы ничего не повредить, вскрывается слой за слоем, просеиваются вручную тонны земли. Сейчас на Тартасе вскрыто порядка 9 тыс. кв. метров, все это происходило на протяжении семи сезонов. «Чёрные археологи» действуют по-другому — они точно делают шурф в том месте, где обнаруживают металл, нарушая при этом всё, что только можно нарушить. Я думаю, нужно не только совершенствовать закон, касающийся кладоискательства, но и усложнить покупку подобных детекторов. В противном случае уследить за процессом будет очень сложно. В стране есть органы, занимающиеся этими вопросами, но они очень слабы и их деятельность ни в коей мере не способна обезопасить археологические памятники.

Спасти всё, что можно

Археологи традиционно ведут активные работы в зоне новостроек. Например, сейчас в зоне затопления Богучанской ГЭС работает порядка 40 археологических отрядов, свыше тысячи человек. К сожалению, два года у нас прошли совершенно неэффективно, но не по нашей вине — мы получали деньги очень поздно, в августе, а в конце сентября на Ангаре обычно выпадает снег. В этом году ситуация поправилась — мы начали работу в мае, и в запасе у нас было почти полгода. Если увеличат финансирование, мы сможем увеличить и объем работ. Наиболее яркие памятники обязательно исследуем. Но ведь дело в том, что археология — такая наука, в которой заранее бывает сложно прогнозировать результат. Порой не знаешь, что найдешь. В этом году нами были открыты три палеолитических объекта, ранее неизвестных — верхние культурные слои были голоценовые, а при раскопках наткнулись на палеолит. Эти слои обязательно нужно изучить, потому что палеолит — достаточно редкое для Сибири явление. Могу заверить читателей, что со стороны научного сообщества для этого делается всё возможное.

В цивилизованных странах (например, в Японии) существует специальная археологическая служба, которая занимается исключительно охраной и изучением археологических памятников, попадающих в зону новостроя. Когда рабочие раскапывают некое древнее поселение, останавливается всё строительство, и владелец предприятия должен оплатить все расходы по проведению археологических работ. Он вызывает археологическую службу, те проводят раскопки, снимают всю научную информацию, отчеты публикуют в специальных изданиях. И пока памятник не будет досконально изучен, строительство не продолжают — слишком велики штрафы.

В обозримой перспективе через плато Укок собираются строить газопровод в Китай, и если это произойдет, Академия наук примет самое активное участие в этих работах.

Мумия возвращается

Прочитал недавно интервью с нашей сотрудницей в одном из изданий. Не знаю, её ли это слова или фантазии корреспондента: «Не хотелось бы, но мы отдаём, мы проиграли в этом споре». Это всё, конечно, глупость. Мы совершенно осознанно возвращаем этот биологический объект на Алтай, потому, что весь цикл научных исследований, который был запланирован, проведен. Недавно мы сделали последнее — томографию на современном оборудовании, в ближайшее время опубликуем результаты. Сначала коллеги отнеслись к этой идее скептически — ведь для того, чтобы получить данные на томографе, объект изучения должен содержать влагу. Они считали, что мумия суха. Но это оказалось не так, информация снята.

Почему мы решили передать мумию на Алтай? Во-первых, она стала темой для спекуляций. Все неприятности (пьянство, безработица и т.д.) связывались с тем, что увезли «прародительницу алтайского народа». У меня лежат две папки с подобными газетными вырезками. С другой стороны, в регионе с

приходом нового руководства стал развиваться цивилизованный туризм. Я думаю, если мумия будет находиться в Горно-Алтайске, в музее, то это безусловно привлечет множество туристов, что для региона очень важно. Нас посетил министр культуры Горного Алтая, он встречался с директором института академиком А.П. Деревянко и со мной, мы обсуждали эти проблемы и договорились, что Горный Алтай берёт на себя ответственность за сохранение мумии (ни о каком перезахоронении речь не идет). Будут созданы все условия для её содержания. Ведь за ней нужно ухаживать, необходим постоянный мониторинг, и заниматься этим могут только московские специалисты института при Мавзолее. Они нам помогали на протяжении этих лет, реставрировали мумию, консервировали её и продолжают эту работу сейчас. Нужно понимать, что республике необходимо располагать серьезными средствами, чтобы всё это осуществить. Юридически мумия не принадлежит ни институту, ни СО РАН, и мы договорились урегулировать все правовые вопросы, заключить договор между институтом и республикой, который позволил бы археологам работать на её территории и получать всевозможную поддержку от её руководителей. Надеюсь, так оно и будет. Думаю, что осенью мы вернемся к этому вопросу и, решив эти проблемы, отправим мумию в Горно-Алтайск.

Что осталось за кадром

Если бы в начале беседы В.В. Путин не сказал очень отчетливо о значимости археологии, я бы закончил свое выступление так: Россия богата не только сырьем, но и культурным своим наследием, в том числе великолепными архитектурными памятниками. У нас есть потенциал это наследие изучать и использовать для реконструкции исторического процесса. В то же время это наследие нужно охранять, поэтому законодательство необходимо совершенствовать.

Е. Садыкова, «НВС»

Фото Ю. Плотникова

Источник:

Садыкова Е. Лучший пророк будущего – это прошлое // [Наука в Сибири](#). – 2010. – N 32-33. – С.4-5.